Надежда Сакаева

Бессмертие графини

Книга вторая

18+

Сказки для вампира

Надежда Сакаева

Бессмертие графини

«Автор»

2018

Сакаева Н. С.

Бессмертие графини / Н. С. Сакаева — «Автор», 2018 — (Сказки для вампира)

ISBN 978-5-532-99467-6

Дочь барона готовится к свадьбе. Ее жених — граф с ангельски-прекрасной внешностью и дьявольскими глазами. Он богат, влиятелен и наделен немалой властью. Казалось бы, о какой еще партии можно мечтать юной аристократке? Вот только радость предстоящего замужества омрачает множество слухов о жестоком характере будущего супруга и мрачная, животная аура, что так пугает героиню. Что же ждет ее в новом замке: скука, мучение, или страсть? Вряд ли первое, ведь ее новоиспеченный супруг — вампир…Книга является 2-ой в трилогии "Сказки для вампира", приквелом.

ISBN 978-5-532-99467-6

© Сакаева Н. С., 2018
© Автор, 2018

Содержание

Пролог. 5
Глава 1. 6
Глава 2. 12
Глава 3. 17
Глава 4. 22
Глава 5. 27
Глава 6. 33
Конец ознакомительного фрагмента. 35

Надежда Сакаева
Бессмертие графини

Пролог.

Зачем я сделала это? Почему поддалась соблазну, согласилась на твои уговоры и обрекла на мучения, растянутые в вечности?

Я ведь знала, что граф не оставит этого. Не простит мое непослушание, потому что он просто не способен на прощение. Но наказывать меня… нет, зачем? Будучи моим мужем, он вдоволь осквернил мое слабое человеческое тело. А потом вынул из меня израненную душу. Потому что монстр, в которого я обернулась после, не имеет души.

Отчего же трепетный рыцарь Иероним превратился в циничного вампира Эшварда? Как граф смог сделать это и навязать тебе свой мир, а ты даже не воспротивился?

Моя вина, мое проклятие.

Я обрекла тебя на муки из-за своей слабости, своего эгоизма.

Тебя, мою кровь и плоть. Последнего, кто связывал меня с той девушкой, счастливой и беззаботной.

Человечной.

Той, кем я была, прежде чем попала в руки к графу, изменив свое имя, жизнь и судьбу. Прежде чем он сломал меня, исковеркал, а после скомкал и выкинул.

Прости меня за это.

И за то, что я планирую сделать.

Но больше так не может продолжаться.

Глава 1.

Стояла середина мягкого, теплого июля, девятьсот восемьдесят пятого года, когда я с трепетом и волнением готовилась к самому важному для меня событию – к собственной свадьбе. Ведь жизнь любой девушки (по крайней мере, в нашем, Западно-Франкском королевстве), будь то крестьянка, баронесса, или дочь торговца, делится на два этапа: до и после брака. Причем, второй – куда более длительный, осознанный и ответственный.

Отчасти, это страшно – провести остаток отмеренных господом дней с малознакомым, если не сказать, совсем незнакомым, человеком. Но ведь «стерпится-слюбится»?

По крайней мере, мне очень хотелось на это надеяться, иначе жизнь обернется кошмаром. Хотя, моя мать, кажется, была счастлива в браке и никогда не жаловалась на выбор ее родителей. Я же решила, что приложу все усилия, дабы полюбить будущего супруга. И не просто полюбить, а прилежно исполнять роль заботливой жены – быть для него поддержкой и опорой в любой ситуации, сделать дом местом, куда он захочет возвращаться, родить ему детей.

Сама я видела своего жениха всего несколько раз. Не знаю, почему он выбрал именно меня, чем я смогла привлечь его, но родители мои радовались неимоверно. Еще бы, ведь породниться с графом, чьими вассалами мы и являлись, вовсе не плохо для дочери барона.

А я боялась, хотя и отчаянно боролась со своим непонятным, отчасти суеверным страхом.

Граф с первого взгляда показался мне опасным человеком. Нет, он был безукоризненно вежлив и галантен, но это были холодные, острые вежливость и галантность. А глаза его оставались мертвыми, пустыми. Он словно источал запах опасности, как источает его хищный волк, оскаливший зубы, готовый вот-вот вцепиться тебе в горло.

Сердце мое замирало рядом с графом, а душа по-крестьянски уходила в пятки.

Но меня готовили к семейной жизни, и я не могла противиться выбору родителей, тем более, такому выгодному. Даже если и не испытывала к своему будущему мужу ничего кроме страха.

Для самого графа это так же был первый брак. Когда-то он имел невесту, что погибла при очень странных обстоятельствах. Говорили, будто он сам погубил ее.

Ходили упорные слухи, что после помолвки, они стали оставаться наедине и граф жестоко над ней издевался. Он бил и унижал ее, а она ничем не могла ему противиться. В конце концов, она осознала, что не сможет терпеть это всю оставшуюся жизнь, и, не видя иного выхода разрешить свою судьбу, она покончила с собой.

Подтвердить эти слухи, разумеется, никто не мог, ведь женское сердце нельзя назвать открытой книгой. Да и, в конце концов, она могла выпасть с крепостной стены совершенно случайно – зубцы не так высоки, а у юной леди всегда может закружится голова. Но сплетни продолжали крутиться, а граф не спешил их опровергать. Он просто не обращал внимания на злые языки.

После этого случая граф больше не интересовался девицами в плане замужества, по тем же самым слухам, предпочитая довольствоваться служанками и распутными девками.

Несмотря на все сплетни, граф продолжал считаться в свете крайне завидным холостяком. Но все попытки владетельных сеньоров соседних графств заключить с ним союз оканчивались полной неудачей. Граф холодно отказывал, не желая выбирать себе спутницу жизни.

Из-за этого ползли все новые и новые слухи, начиная от того, что он раскаивается в смерти невесты и поэтому наложил на себя обет безбрачия, и, заканчивая тем, что он любил покойную и теперь не желает предавать ее свадьбой с другой. А особо злые языки и вовсе утверждали, что после того случая граф больше не интересуется девушками.

На фоне всего этого его сватовство ко мне выглядело еще страннее. Я не знала и никогда уже не узнаю, отчего именно я приглянулась ему, почему именно меня он выбрал…

Возможно, я просто была похожа на кого-то из прошлых его жизней. Кого-то, кого он любил (если такой человек, как граф вообще когда-нибудь был способен на любовь), но это так и останется тайной.

Все сплетни, насчет его предыдущей невесты, отнюдь не прибавляли мне уверенности в нашей будущей совместной семейной жизни. Но, разумеется, я оставалась покорной воле родителей.

Да и как могло быть иначе? Тогда для девушки не существовало такого понятия, как «свободный выбор». Замужество в пятнадцать лет, а после ты полностью во власти мужчины. Ты ждешь его у окна с очередной войны и рожаешь ему детей. А максимум своеволия и выбор, который ты можешь себе позволить – это выбор, вышивать тебе гладью, или крестиком.

Слухи о жестоком нраве графа отчасти подтверждал и статус захватчика церковной собственности. Этим он славился далеко за пределами графства, по всему Западно-Франкскому королевству. И это так же не радовало меня.

Но тогда я даже представить не могла, что могу воспротивиться указу родителей. А потому со страхом и ожиданием готовилась к семейной жизни с возможным тираном, искренне надеясь, что даже если часть слухов и окажется правдой, то моя покорность сможет смирить и его.

Я не отличалась дерзким нравом, как мой брат, хотя, это только мужчине можно и даже должно, быть дерзким. Именно брат унаследовал каштановые волосы отца и его неимоверную упрямство, фамильную черту баронов Фарго. А я пошла в мать, светловолосую, скромную, как и полагается приличной женщине.

Потому, я лишь ждала, пока родители устроят мою судьбу, готовая принять свою новую жизнь, какой бы она не была (хотя эта готовность вовсе не избавляла меня от волнений).

К тому же, в браке с графом было много положительного, что перевешивало все сплетни о нем – у него были деньги, власть, титул. Все, что так ценится в мужчине, и, несмотря на свой страх, я считала, что мне повезло с партией.

Брак с графом должен был поднять мое значение и позволить мне часто бывать при дворе герцога, или короля. Сам граф имел немалый вес в обществе, хотя не любил покидать пределы своего замка и на первый взгляд казался нелюдимым. Он являл собой поистине странное сочетание затворца, которому не нравится бывать на приемах, и одновременно графа, активно расширяющего свои владения, добавляя к своему имени все новые земли.

Значение короля неизменно уменьшалось в пределах его графства, а сам граф был самым могущественным феодалом на юге Западно-Франкского королевства. Кроме графства Тулузского, хозяйкой которого вскоре мне предстояло стать, он смог присоединить к своим владениям Готскую марку, а также был сеньором Нима, Альби и Керси. Неудивительно, что его значение при дворе было так велико.

Я отчаянно волновалась перед днем свадьбы и своей будущей жизнью, что ждала меня, как только я покину родительский дом. Сердце мое колотилось слишком часто, а сама я то пунцовела, сливаясь цветом с лепестками роз, что росли в нашем саду, то бледнела, как покойница.

Это волнение поселилось во мне с нашей первой встречи и не покидало меня ни днем, ни ночью, заставляя просыпаться задолго до рассвета. Было удивительным, что при таком раскладе мне удалось сохранить ровный цвет лица, приличествующий благородной девушке, а не поймать сыпь, или лихорадку.

Впервые я увидела его на помолвке, хотя до этого много слышала о нем от матери и отца. Больше, разумеется, от отца, что часто обсуждал с моим братом обстановку сил как в графстве, так и в королевстве.

Несмотря на свои тридцать пять, граф был удивительно хорош собой – глядя на него буквально захватывало дух. Конечно, я слышала сплетни о его красоте, но не ожидала, что они окажутся настолько ПРИУМЕНЬШЕНЫ. Мне едва удалось справиться с собой и опустить взгляд, как и должно незамужней девушке в присутствии взрослого мужчины.

Густые черные волосы, непривычно длинные, до плеч, мужественный овал лица, волевой подбородок и бледная, мраморная, кожа. Неудивительно, что многие дамы мечтали выдать за него своих дочерей (иногда казалось, что с тайной надеждой посещать его самого под благовидным предлогом, оставаясь на ночь).

Единственное, что выбивалось из ангельски-прекрасного облика – дьявольские глаза. Алые, голодные, они внушали настоящий ужас. Если бы не они – я бы могла влюбиться в графа без оглядки.

Он предлагал женитьбу, нисколько не сомневаясь в ответе, разглядывая меня своими голодными алыми глазами дьявола. Да и как он мог сомневаться в том, что барон, его вассал, согласиться отдать за графа свою единственную дочь?

Тогда нас представили друг другу и оставили познакомиться немного ближе наедине. Ну, настолько наедине, насколько может себе позволить оставаться незамужняя девушка со взрослым мужчиной – дверь была распахнута, и мои служанки ожидали меня сразу за порогом. Достаточно далеко, чтобы не подслушивать, но достаточно близко, чтобы видеть нас и не позволить нам вольностей.

Хотя сам граф ни о чем таком явно не помышлял.

– Рад был увидеть сегодня вас лично, – проговорил он таким холодным голосом, что об него, пожалуй, можно было заморозить пальцы. – Я много слышал о вашей красоте, и теперь вижу, что она действительно достойна всех этих похвал. Выша кожа нежна, как цветки фрезии, а глаза сияют ярче звезд.

– Благодарю вас, милорд, – ответила я, благосклонным кивком принимая полагающиеся в таких делах комплименты.

А про себя отметила, насколько прекрасен голос графа, разливающийся по комнате, точно мед. Пускай и очень холодный, кристально-острый мед.

– Сегодня я переговорил с вашим отцом, бароном Фарго. Он дал свое согласие на помолвку, – тем временем продолжал граф, отстраненно глядя куда-то в сторону.

– Ваше предложение – честь для нас, – размеренно отвечала я, держа спину ровно, а подбородок вздернуто.

Этот разговор (скорее дань вежливости, чем действительный способ узнать друг друга) совершенно не мешал мне размышлять о том, отчего граф решил вдруг внезапно просить моей руки.

Сам он уж точно не походил на пылкого возлюбленного, что увидев благородную девицу, потерял голову. Скорее наоборот, голову теряли девицы, но не сам граф. Так почему он выбрал именно меня, если у него были куда более достойные варианты? Нет, я, безусловно, была правильно воспитанной и красивой, со своим облаком пышных волос цвета спелой пшеницы и васильковыми глазами. Но на территории герцогства Аквитанского, а также соседних графств, были не менее красивые, зато более родовитые, незамужние девушки.

Однако графа, казалось, не интересовало, ни то, что я дочь барона, ни общественное мнение, ни даже мое приданное. Равно так же, как его не интересовала, и я сама.

Хотя, стоило ли мне ожидать жарких юношеских слов любви? Граф был уже состоявшимся, серьезным мужчиной, вряд ли способным на глупости, какие творят распаленные чувствами молодые рыцари. Пусть комплименты его и были изысканными, но голос оставался ровным.

– И, разумеется, любой почел бы за честь быть на моем месте, – все также спокойно ответил мне граф, сверкнув своими дьявольскими глазами.

После этого наш личный разговор увял сам собой, и мы перешли из уединенных покоев в общую залу.

По случаю нашей помолвки отец закатил пир, что длился неделю. Все это время граф со своей свитой жил у нас.

Я привыкла к мужчинам в замке – у отца постоянно останавливались то шевалье, то отдельные герои, спешащие на турнир в соседнее графство, а то и вовсе бароны из прилегающих земель. Однажды нас почтил и сам король Лотарь, проходящий со своим войском в графство Пуату.

Но граф (и его рыцари) вел себя на удивление тихо. Все его манеры, жесты и слова были холодны и отточены, и только в дьявольских глазах полыхало алое пламя. При своем статусе затворника, редко бывающего в обществе, он вел себя исключительно по-светски. Пил он мало и только привезенное с собой вино, хотя ради него отец опустошил погреба, достав лучшее. Еду же всегда оставлял почти нетронутой, что заставляло задаться вопросом, откуда же он берет силы?

А силы у него действительно были немереные.

Тяжелый двуручный меч он мог держать двумя пальцами и поговаривали, что он с легкостью переносит на себе рыцарского коня в полном обмундировании и даже с наездником.

В эту неделю мне довелось лично убедиться в его физических способностях.

Мы гуляли по саду, вышагивая впереди длинной процессии из оруженосцев, рыцарей и моих служанок. Мы делали это каждый день, после заката – граф предпочитал ночной образ жизни и не покидал пределов замка при свете солнца. Впрочем, этой его особенностью я была довольна – мне и самой нравились сумерки, когда не надо беречь кожу и укрываться зонтиком.

Эти прогулки были для графа чем-то вроде досадной обязанности жениха. Нет, его лицо оставалось холодным и непроницаемым, а голос исключительно вежливым, но адский взгляд полыхал скукой и ожиданием. Тем не менее, он исправно приглашал меня на вечерний променад, а я исправно соглашалась, хотя зачастую мы молчали, глядя в разные стороны, или говорили о какой-нибудь ерунде, вроде погоды.

Я стала замечать, что боюсь его присутствия все сильнее – сила зверя, которую он источал, заставляла желать быть от него как можно дальше. Когда же мы оказывались наедине, я тревожно опускала взгляд – дьявольские глаза прожигали мою душу насквозь, вспыхивая, словно тлеющие угли.

Я даже выказала свои чувства матери, но она лишь посмеялась, списав все на волнение после помолвки – страх граф внушал только мне. Брат, как и мать, считал его весьма завидным женихом, вежливым и обаятельным. И, разумеется, так же, не замечал его звериных повадок и дьявольских глаз.

Что ж, возможно, они оба правы – и все это лишь игра моего воображения? После разговора с родными я всю ночь убеждала себя перестать относиться к графу предвзято. Ведь виной моим опасениям были слухи и волнение.

Мне удалось успокоиться, и к завтраку я спустилась вполне счастливая. По крайней мере, до тех пор, пока не встретилась с графом. Его дьявольские глаза, полные крови, прожгли меня насквозь, а губы исказила жесткая усмешка. Пожалуй, это был первый раз, когда он изменил своему холодно-вежливому выражению.

В какой-то суеверной панике я огляделась по сторонам, но никто ничего не замечал, а граф вновь нацепил на себя привычную маску, спрятав звериную ухмылку.

– Дорогая, с тобой все в порядке? – ласково спросила меня мать, сохраняя на лице улыбку благовоспитанной замужней баронессы.

– Oc, ma maire, – кивнула я и поспешила опустить взгляд в тарелку.

Когда же я, вновь подумав о графе, рискнула посмотреть на него из-под опущенных ресниц, клянусь, он снова ухмылялся!

Тем же вечером, на прогулке, я размышляла об этом, вышагивая рядом с графом, манерно опустив кончики своих пальцев на его холодный, даже через одежду, локоть.

И вот, когда мы проходили мимо складских построек – кузнечной, конюшни, пекарни – раздался неимоверный грохот. Я испугалась, но не успела ничего сделать, кроме как побледнеть. Граф среагировал моментально.

Оказалось, старая рассохшаяся яблоня, что росла во дворе, не выдержала груза плодов. Огромная ветка с треском отвалилась и летела на нас, но граф легко, едва ли не одним пальцем, откинул ее так далеко, что она улетела за крепостную стену.

«Зверь», – промелькнуло в моей голове.

Я больше испугалась не возможных увечий, а какой-то сверхчеловеческой силы графа.

Словно услышав мои мысли, он повернулся и на губах его вновь проскользнула та же ухмылка, напугавшая меня утром.

– Вас не задело? – несмотря на адский огонь в глазах и зверский оскал, голос был безукоризненно вежлив, и даже скучающ.

– Все в порядке, – успела пробормотать я перед тем, как к нам подбежали рыцари и челядь.

После этого случая отец проникся к графу еще большей симпатией (если, конечно, это было возможно), да и брат, казалось, видел в нем своего кумира. Впрочем, от брата, прежде служившего при графе оруженосцем несколько лет, ожидать иного было бы странно.

И только мне одной он изредка показывал свою усмешку зверя.

С того дня я стала невольно следить за графом и заметила еще пару странностей. Он, казалось, передвигался слишком быстро, хотя его походка всегда оставалась размеренной, как и должно правителю таких обширных земель. Кроме этого, иногда у меня возникало чувство, будто он читает мои мысли. А когда же я подумала об этом при нем, он усмехнулся, а кровавое пламя в его глазах вспыхнуло ярче. Также, он всегда оказывался там, где про него говорили, а его взгляд порой просто порабощал. Это было странное ощущение, когда он смотрел на тебя, и ты вдруг прирастала к месту, а в голове появлялось какое-нибудь нелепое, словно ЧУЖОЕ, навязанное желание.

Определенно, с каждым днем этой долгой недели граф пугал меня все больше и больше, и иногда мне казалось, что это его веселит.

А однажды произошло нечто такое, что вовсе едва не заставило меня упасть в обморок. И снова это было связано с графом (ну, или просто мне так показалось из-за его дьявольских глаз).

В последнюю ночь перед отъездом графа мне не спалось, и я вышла из замка, решив немного освежиться. Конечно, юной девушке не пристало разгуливать в темноте без сопровождения, но, во-первых, я уже была фактически замужем, во-вторых, знала замок как свои пять пальцев и в-третьих, я надеялась вернуться к себе в комнату, прежде чем кто-то заметит мое отсутствие.

В донжоне было темно, и только тусклый свет факелов отбрасывал на каменные стены рыжие тени. Я тихонько прокралась к выходу на крепостную стену и уже там смогла вздохнуть спокойно, не опасаясь быть замеченной. Конечно, стража патрулировала здесь, обеспечивая охрану нашего замка, но у меня оставалось в запасе еще несколько минут, прежде чем один из них пойдет сюда.

Я притаилась в тени от стены донжона.

Полная луна ярко освещала все окрестности, и с высоты мне было хорошо видно поле, окружающее наш замок, дорогу, ведущую к воротам и лес, что темнел вдалеке. И среди всего этого отчетливо выделялся чернильный силуэт, что очень быстро двигался к замку со стороны ближайшей деревни.

Я бы решила, что это дикий зверь, но силуэт был слишком высок и явно принадлежал человеку, хотя и двигался с поистине нечеловеческой скоростью. Не знаю, почему, но я вдруг четко осознала, что это граф.

Зажав себе рот рукой, чтобы ненароком не выдать себя звуками, я поспешила укрыться в замке и вернуться в свою комнату. Я не имела понятия, откуда взялась эта твердая уверенность: от того ли, что граф вечно разгуливал ночами, или же потому, что мне показалось, будто там, где у этого силуэта должно было быть лицо, я заметила два алых уголька глаз. Таких же, как у графа.

На утро следующего дня, я вновь увидела, как в отблеске света факела вспыхнули его глаза и уверилась окончательно, что по ночам он выбирается из замка. Когда он повернулся ко мне, сказать что-то учтивое, для поддержания беседы, я во всю размышляла, что же он мог забыть там, куда ходил и почему он двигался так невероятно быстро.

Словно вновь прочитав мои мысли, граф усмехнулся, и по моему телу разлился страх. Его дьявольские глаза, в которых плескалась кровь, смотрели на меня жестоко, хотя голос его даже не дрогнул.

– Совсем скоро мы увидимся с вами снова, – проговорил он на прощание, и в его словах мне почудилась явная угроза зверя, что напал на след своей жертвы и вот-вот совершит решающий прыжок.

Глава 2.

Оставшееся до свадьбы время, я пыталась убедить себя, что все необычное, произошедшее за прошедшую неделю – лишь мое разыгравшееся воображение. Что во мне сказалось волнение неопытной девы и это просто пустые выдумки и расшалившиеся нервы.

Разве могут глаза человека так блестеть?

Разве может он ТАК усмехаться?

Разве опасность бывает ощутима?

В отсутствие графа (он отбыл сразу после своего зловещего прощания) и его звериной усмешки пополам с дьявольскими глазами, мне удалось хоть как-то внушить себе спокойствие.

Люди не умеют читать мысли и его взгляды просто совпадение. Его алые глаза вовсе не блестят от голода. Его оскал видела только я, а значит, мне показалось. Один человек может ошибаться, но мама, папа и брат – вряд ли. А семья моя просто боготворила графа, считая его не только богатым и родовитым, но и безукоризненно вежливым человеком, воплощенной мечтой будущего зятя. Значит и мне пора начинать так считать.

Вряд ли граф может быть так уж плох, или жесток, как о нем говорят, ведь сплетни всегда преувеличены.

Да, он твердый человек, что само собой разумеется, иначе он просто не смог бы управлять своими обширными землями, столь успешно их расширяя. Но разве станет он избивать собственную жену? Разве нужно ему будет притеснять меня, если в его вассалах так много знатных рыцарей, а благородное дело войны ждет его меча?

Надеюсь – нет и самое худшее, что меня ждет, так это скука одиночества из-за постоянного его отсутствия в своих владениях.

В преддверии торжества слуги суетились, и казалось, весь замок замер в нетерпеливом ожидании. Весь, кроме меня, потому что мое ожидание было больше тревожным и нервозным.

За неделю до дня венчания начали прибывать первые гости. Рыцари со всего баронства – вассалы моего отца – спешили исполнить клятву верности и выказать уважение, преподнеся подарки.

Приглашенных же от графа было мало – сказывалась жизнь затворника. Но, даже несмотря на это, за день до торжества в замке было уже не протолкнуться, а вся долина пестрела флагами – там расположились оруженосцы и менее знатные рыцари, которым не хватило места в пределах крепостных стен.

С вечера ворота не закрывали – крестьяне нескончаемой цепочкой несли талью для отца. Это были мешки муки, скот, птица. Казалось, что такое количество еды излишне, но на деле этого было мало, ведь пир предстоял не рядовой. Еще бы, единственная дочь сеньора выходит замуж.

И вот, наконец, настал апофеоз всего этого – день моей свадьбы.

Я проснулась рано, но в горле словно застрял ледяной комок.

Я безразлично наблюдала за тем, как служанки обтирают меня благовониями и помогают надеть свадебное платье. Я сама шила его с тринадцати лет и теперь могла оценить собственный двухгодовой труд.

Платье вышло красивым, бордового цвета, с верхней частью, усыпанной гранатами и рубинами, с широкими рукавами из ткани более светлого оттенка, и длинным подолом, вышитым золотом. Прежде я любила алый, но за неделю, проведенную с графом под одной крышей, он стал ассоциироваться только с его глазами хищника.

По завершении туалета, Франка, милая круглолицая крестьянка, что не так давно вышла на службу в замке, подпоясала меня широкой лентой, так же вышитой золотом и украшенной камнями, словно брызгами крови.

– Вы просто красавица, моя госпожа, – восторженно прошептала она, убирая мои волосы под платок.

– Спасибо, – я улыбнулась.

Ее замечание, такое простодушное, но искреннее, немного подняло мне настроение.

Наконец, к замку подъехал и сам граф со свитой.

Точнее, свита прибыла еще вчера, и я наблюдала с крепостной стены, как четко его люди ставят шатры, разводят огонь и организуют лагерь, приветствуя тех, кто уже успел обосноваться. Я разглядывала пестрые флаги с гербами графства и домов самих рыцарей, но так и не заметила, чтобы в главный, роскошный шатер, очевидно предназначенный для графа, кто-то вошел.

Впрочем, потом мне пришлось удалиться – солнце стало припекать, угрожая ожогами, и я укрылась в прохладной тени замка. Возможно, граф приехал тогда.

В любом случае, ночь он проводил за пределами крепостных стен и уже поутру торжественно въезжал в ворота сопровождаемый оруженосцами, знаменосцами и знатными рыцарями на крупных, мускулистых конях, укрытых разноцветными попонами. Все это выглядело весело и пестро.

Для меня граф взял повозку, разукрашенную затейливым орнаментом и гербом графства Тулузского – золотое очертание креста на красном фоне. Ее, как и свиту графа, я увидела еще вчера и тогда же вздохнула от облегчения. Повозка выглядела вполне добротной, даже роскошной, и была для меня куда предпочтительней седла, пускай и женского. Я с детства побаивалась лошадей и всегда старалась держаться подальше от конюшен.

Сам граф восседала на гнедом жеребце, что нервно поводил головой, громко фыркал и переступал с ноги на ногу. Облаченный в полный рыцарский доспех и длинный плащ он гордо смотрел с высоты седла. День выдался пасмурный, небо было затянуто тучами, и в этом блеклом свете граф казался гораздо бледнее, чем обычно, но тем ярче выделялись его глаза.

Бродячие барды, которые проходили мимо замка еще две недели назад и остались в нем в ожидании праздника, заиграли что-то торжественно-величавое, что как нельзя кстати подходило под внушительный облик графа.

За всем этим я, уже готовая к церемонии, наблюдала из узкой бойницы. Рядом топталась любопытная Франка.

Граф легко соскочил с коня, которого тут же увели конюхи и, сняв шлем, передал его оруженосцу. Последний преисполнился от этого такой гордости, что едва не выронил его, удержав только чудом.

Я захихикала. Конечно, в другой ситуации, я бы вряд ли позволила себе такое откровенное выражение эмоций, но сегодня волнение и страх взяли свое, к тому же, никто, кроме верной служанки, не видел меня. Но граф будто услышал мой смешок и посмотрел, как мне показалось, прямиком в темный провал моей бойницы. Я даже увидела, как вспыхнули алым его глаза.

После этого оруженосец замер на месте, словно окаменев, хотя граф не удостоил его ни словом, ни взглядом.

Настроение, поднятое комплиментами Франки, снова опустилось ниже погреба.

– Какой красавец, – тем временем восхищенно прошептала служанка, что заняла оставленную мной бойницу. – Вот что значит владетельный сеньор. Всем моим кавалерам до него явно далеко.

Я промолчала.

Если бы Франка видела его ближе, возможно она изменила бы свое мнение.

Тем временем, к графу навстречу вышел отец, преклоняя колено в выражении уважения. Граф выждал положенное время и благосклонно кивнул ему, позволяя подняться.

Все сопровождающие его рыцари к этому времени спешились. Челядь разбирала коней, и двор замка был заполнен людьми. Наконец, первая суета прошла, и образовалось некоторое подобие коридора, что вел к церкви.

Венчание решено было проводить в нашей призамковой часовне. По статусу ему бы более подошла церемония в соборе, торжественном и строгом, но граф пренебрегал подобными условностями и не оглядывался на мнение вассалов (да и сам выбор невесты говорил об этом).

Хотя, отчасти мне казалось, что выбор места венчания связан с его отношениями с церковью, что были, мягко говоря, натянутыми. Наверное, если бы брак можно было зарегистрировать как-нибудь иначе, без участия духовенства, граф с удовольствием выбрал бы этот вариант.

Когда мой жених скрылся в часовне, в мои покои вошел отец.

– Сегодня ты прекрасна, как никогда, моя милая, – улыбнулся он. – И я рад, что отдам тебя в хорошие руки.

– Спасибо отец, – я опустила глаза и коснулась подставленного локтя кончиками пальцев.

Барон Фарго величаво и торжественно повел меня вниз.

У входа в донжон теперь столпилась вся замковая челядь, желающая посмотреть на свадьбу единственной дочери сеньора. Отец был хорошим господином, и чернь любила его. Талья в нашем баронстве была одной из самых низких в графстве, поэтому на барщине крестьяне работали с некоторым энтузиазмом.

Едва мы показались на лестнице, как со всех сторон послышались вздохи восхищения. Похоже, Франка с отцом не соврали о моем виде.

Граф ждал меня у алтаря.

Уверенный, с поднятой головой и мужественным подбородком, он немного пригасил свой дьявольский взгляд и теперь смотрелся как просто красивый и могущественный сеньор, что знает свое достоинство.

Отец провел меня через часовню, передав мою руку графу, и отошел к прочим гостям. Из-за последних довольно просторная часовня показалась мне маленькой, как никогда.

Священник начал читать молитву. Делал он это гораздо быстрее обычного, то и дело поглядывая на графа и крестясь куда чаще.

Кажется, он вообще бы отказался пускать в святую обитель этого человека, если бы чуть поменьше дорожил своей жизнью. В его глазах читался суеверный ужас. Неужели, кроме меня есть еще люди, что считают графа страшным?

Сам граф не замечал этого, глядя строго перед собой. Его лицо оставалось маской из белого мрамора. Казалось, если церковь сейчас обрушится, или же прямо в него ударит молния, являя собой божью кару, он даже не шелохнется.

Я же опустила голову, отчасти желая, чтобы таинство поскорее закончилось. Я прежде любила бывать в церкви. Мне нравился этот запах, эта тишина и та особая атмосфера, что обычно царили здесь, но сейчас я боялась, что упаду в обморок из-за волнения и духоты. А может и из-за холодной близости такого невозмутимого графа, что даже не вспотел.

Закончив с молитвой, священник перешел к проповеди, сделав ее короткой, как никогда – всего пару слов о том, что жена должна почитать мужа и слушаться его во всем, а муж должен защищать жену.

А после – вопросы, на которые граф четко и уверенно отвечал «да», а я едва кивала, опасаясь, что, если открою рот, мой голос сорвется. Причем, на последнем, по поводу детей, мне вновь привиделась усмешка зверя и голодный взгляд алых глаз, брошенный в мою сторону.

Выслушав клятвы, священник благословил нас, нервно поглядывая на графа, и вот – я уже супруга.

Граф взял меня под руку, и я вновь почувствовала холод его пальцев, даже через ткань платья. Кажется, и зимой морозный воздух не так обжигает кожу, как его прикосновения.

По выходу из церкви прямо перед нами опустился огромный черный ворон. Он трижды каркнул, причем неимоверно громко, а после торопливо вспорхнул. И я могла поклясться, что он улетел от того, что поймал жесткий взгляд дьявольских глаз.

После церемонии все прошли в главную обеденную залу, где уже стояло несколько дополнительных столов. Но даже с учетом этого уместились не все – оруженосцы и простые воины расположились во дворе, куда так же натаскали столы.

Мы с графом сидели во главе, и я чувствовала себя неловко от такого количества внимания. Рыцари кричали здравницы, с плеском стукаясь кубками. Граф кивал, сохраняя бесстрастное выражение лица, но я видела – его глаза полыхают негасимыми кострами ада.

Челядь суетилась, меняя блюда с жареными поросятами, птицей и прочим. Вина не жалели – оно лилось через край, хотя граф и сегодня предпочел привезенные с собой запасы. Напиток в его золотом кубке был цвета его глаз, густым и тягучим и я прежде не видела чего-то похожего. Наверно, его долго выдерживали перед тем, как подавать на стол.

Отец лично наполнял его кубок, выражая свое почтение.

Когда крики стали громче, а кубки стукались так, что готовы были погнуться, барды сменили спокойную музыку, заиграв нечто более веселое.

Жонглеры, что прослышали о свадьбе графа и приехали за пару дней до церемонии в надежде получить серебра, завели танец. Они ловко подбрасывали тяжелые булавы, умудряясь попадать в такт. Гости ободряли их громким хохотом, хлопками и звоном монет.

После пришло время рыцарского танца. Мужчины показывали свое умение владеть мечами, и танец выходил больше похожим на поединок. Здесь подошел черед графа. Он выпил много кубков, но хмель не давал ему в голову, и лицо его не изменилось, оставаясь лишь холодной маской.

Он вышел из-за стола, подманив ближайшего рыцаря, и если бы это был турнир, граф наверняка одержал бы в нем победу. Он размахивал тяжелым мечом словно деревянной палкой, и делал это так быстро, что сталь сливалась в единую серебристую полоску.

Закончив под одобрительный гул, он слегка наклонил голову, а после посмотрел на меня и усмехнулся так, что по спине моей побежали мурашки.

Наконец, мы удалились, оставив пирующих праздновать. Граф проводил меня до покоев и оставил на попечение служанок.

Франка помогла расплести мне волосы, остальные сняли платье и обтерли меня теплой водой. И вот я легла на ложе, с ужасом ожидая прихода графа.

Все ожидания оказались напрасными, но не скажу, чтобы меня это огорчило. Я боялась этого и не была готова, потому что единственное, что я точно знала об этом – от меня требуется лечь на спину и раздвинуть ноги, а остальное мужчина сделает сам. И в первый раз будет больно.

Мой первый раз откладывался еще на один день, и я благодарила судьбу. Отчего-то я была уверена, что граф не будет нежен, или заботлив. Он вовсе не походил на такого человека.

Утром я была непривычно бледна и устала – сказалась бессонная ночь, когда я вздрагивала от каждого шороха и скрипа двери, ожидая своего супруга.

На рассвете пришла Франка, сообщив, что пора собираться. Конечно, можно было бы задержаться – пир в честь нашей свадьбы только набирал обороты. Но граф спешил увезти меня к себе.

Одевая меня в последний раз, Франка плакала и напоследок мы крепко обнялись. Я бы забрала ее с собой, если бы не ее мать, что была больна и не способна к путешествиям.

Граф ждал меня уже у ворот. Солнце, только поднявшееся над горизонтом, окрашивало его фигуру в розовый, а конь под ним нервно бил копытом. Кажется, ему, как и наезднику, не терпелось пуститься прочь отсюда.

Брат крепко обнял меня на прощание, отец поцеловал в лоб, мать – перекрестила. Я, вместе со служанкой, села в повозку, заваленную мягкими подушками, и приготовилась к долгому пути в замок, что должен был стать моим новым домом до самой моей смерти.

Так и закончилась моя жизнь с родителями, размеренная и спокойная, где самым большим волнением было посещение нашего замка странствующими шевалье.

Мне было немного грустно покидать место, где я провела все свои пятнадцать лет, занимаясь танцами, шитьем и этикетом. Хотя эта грусть не шла ни в какое сравнение с безосновательным страхом, который я испытывала к графу.

Глава 3.

Путь до Шато де Брус – замка, где чаще всего жил граф, занимал около двух дней, с учетом остановки на ночь. Раньше я никогда не покидала пределов собственного дома, и сейчас это казалось мне невероятно долгим путешествием.

Сам граф умчался вперед, едва посадив меня в повозку. Я только и увидела, как его конь скрылся где-то вдали.

Дорога давалась мне тяжело. На кочках повозку трясло нещадно и спустя пару часов пришлось просить об остановке. Служанка Рози, что поехала со мной, всячески старалась помочь. Она обмахивала меня платком и то и дело подавала кувшин с водой, но все было бесполезно – в итоге меня укачало.

Едва выйдя из душной кареты, я с трудом смогла сдержать спазмы, что рвались из меня. Только невероятная выдержка позволила мне оставить завтрак внутри и не показать его рыцарям графа.

На воздухе стало немного легче, хотя и тут солнце припекало голову, отнюдь не прибавляя здоровья и радости. Мы остановились посреди поля, и от этого зной ощущался гораздо сильнее, а нос щекотало пряными запахами цветов и трав.

Повозка моя ехала в центре конного отряда, порядком растянувшегося, и в отсутствии леса и деревьев я могла разглядеть многих рыцарей из свиты графа. Некоторых из них я знала – они прежде бывали у отца, останавливаясь в замке во время охоты, или же просто заезжая на пир. Других мне уже представили на празднике в честь помолвки, но все же, большая часть рыцарей, особенно простых однощитовых, была мне незнакома.

Не было среди нашего отряда и самого графа, что меня немало удивило.

– Простите, ваша милость, – рискнула окликнуть я ближайшего рыцаря.

Молодой, едва посвященный, он запомнился мне своими розовыми гладкими щеками, еще в прошлый приезд графа.

– Да, ваша светлость? – рыцарь соскочил с коня и отвесил поклон.

– Скажите, где мой супруг? – последнее слово сказать было довольно тяжело.

Все-таки я еще не до конца осознала, что больше не являюсь девицей на выданье, а стала замужней «моей светлостью».

– Милорд уехал в замок, готовить его для вашей светлости, – показалось мне, или действительно в глазах рыцаря мелькнул страх?

– Выходит, сегодня я его уже не увижу?

– Увы, ваша светлость, только по приезду в замок. Милорд умеет передвигаться быстрее остальных, – и снова рыцарь как-то отвел взгляд, а рука его дернулась, словно желая перекреститься.

Я вглядывалась в его лицо, пытаясь понять, привиделось ли, или же он действительно боялся графа?

Но рыцарь уже говорил мне комплимент и улыбался, розовея своими щеками.

От информации о графе и этих непонятных взглядов тошнота моя ушла, и мы снова продолжили путь.

Но сколько бы я ни вспоминала слова рыцаря, выражение его лица, так я и не смогла понять, был ли он напуган, как я, суеверно и безотчетно, или то было простое уважение и трепет перед графом, как перед сильным воином и пэром.

Когда мне снова стало плохо, и я уже хотела просить еще одну остановку – пришло время привала. Тряхнув меня в последний раз, возница зычно прокричал «тпрууу» и повозка замерла.

Я снова вышла на воздух, не без помощи Рози.

Вокруг стояла суета – оруженосцы собирали ветки для костра, стреноживали коней. Однощитовые рыцари сами обтирали взмыленные бока животных сухими листьями, водили их по кругу, давая остыть от долгой скачки.

Я же вознамерилась поговорить с кем-нибудь еще, чтобы попытаться выяснить новое о графе.

Мимо как раз пробегал оруженосец, и я поманила его пальцем.

– Да, ваша светлость?

Он остановился, держа под рукой охапку хвороста.

– Скажи, где мой супруг? – снова спросила я, решив, что это будет лучшим началом разговора.

– Милорд уехал готовить замок для вашей светлости, – кажется, он слово в слово повторил фразу того рыцаря.

Я вглядывалась в его лицо, но ни тени страха на нем не было. Наоборот, голос звучал с обожанием. Значит, в прошлый раз мне показалось?

Возможно, виной тому были тряска с дороги и общее плохое самочувствие, и я просто накручиваю себя? Все эти глупые разговоры о жестокости графа! Наверно, я сильно впечатлилась ими, и после этого уже во всем пыталась найти тень того, что ему приписывали.

Не зря же мой отец и брат относятся к графу с уважением, как к достойному рыцарю, славному воину и пэру Тулузских земель?

Отобедав сыром, хлебом и дичью, что рыцари подбили по дороге, мы снова двинулись в путь, остаток которого слился для меня в сплошное мучение. Я больше не могла уже думать ни о графе, ни о его дьявольских глазах и только силилась сохранить обед в животе. Рози делала все, что могла, хотя и сама была порядком бледна, и даже остановка на ночь не принесла мне никакого облегчения, а напротив, забрала последние силы.

В Шато де Брус мы приехали на закате следующего дня.

Сам замок находился на возвышенности. С одной его стороны протекала река, с другой же, той, откуда приехали мы, расстилалась небольшая деревушка. Две других крепостных стены упирались в горы, не слишком высокие, заросшие зелеными дубами, липой и кленом.

Дорога, минуя деревню, привела к мосту через неглубокий ров. Копыта лошадей сухо застучали сначала по дереву, а потом, когда мы проехали через ворота, настежь распахнутые – и по брусчатке.

Замок графа был значительно больше родительского, уже даже не замок, а крепость, что, впрочем, и не удивительно.

Здесь был просторный внутренний двор с добротными хозяйственными постройками и множество башен на крепостной стене с узкими бойницами, предназначенными для защиты от осады и стрельбы из лука.

Все было сложено из прочных камней и выглядело внушительно и сурово. Мы пересекли двор и оказались у входа в донжон, главную башню замка, что выделялась своими размерами. Она была выше крепостных стен, увенчанная покатой крышей и шпилем, на котором плескался герб графства, все тот же золотой крест. С двух сторон к ней примыкали башенки поменьше.

Окна в донжоне, в отличие от крепостных башен, хоть и были узкими, стрельчатыми, но отличались красивой формой и даже витражами. Я легко могла представить, какой же чудесный вид на реку открывается с верхнего этажа.

Сам граф встречал нас у входа. Лучи закатного солнца освещали его закутанную в плащ фигуру, но лицо оставалось в тени капюшона и было не разглядеть – улыбается ли он, или же, как и обычно, хранит холодную маску безразличия.

Едва повозка остановилась, он сделал почти неуловимый взмах рукой и тут же прибежал расторопный паж, что подставил скамеечку и помог мне выбраться наружу.

Сам граф стоял неподвижно, словно мраморная статуя, рассматривая меня и глаза его то и дело вспыхивали алым. И только когда я оказалась рядом, он вытянул руку, ладонью наверх, приглашая. Я вложила кисть в его пальцы, в очередной раз едва сдержав порыв вырвать ее обратно. И почему его тело такое холодное, будто он только что побывал в горной реке?

В полной тишине мы вошли в донжон. Оказавшись в темноте, граф все же откинул капюшон, рассыпав свои черные волосы по плечам. Рози семенила следом, и от каменных стен гулким эхом отскакивало ее шумное дыханье.

Граф уверенно шел вперед и остановился лишь в центре одной из зал, где на каменных стенах висело оружие.

Сейчас мы были на втором этаже, но лестница, по которой мы пришли, поднималась и выше. Однако, похоже, что находится там, мне знать пока не следовало.

– Они проводят вас в ваши покои, – до остроты вежливо проговорил граф, и только сейчас я заметила двух скромных девушек-служанок, что стояли в самом углу, опустив глаза в пол. – Они же и покажут вам главную залу. Приходите, как будете готовы. До встречи, графиня.

И развернувшись, он вышел в противоположную дверь. Тогда это был первый раз, когда кто-то назвал меня графиней.

Замковые служанки были тихими, как мышки, и такими же незаметными. Едва мы оказались в моих покоях, как они тут же помогли мне переодеться и, обтерев тряпицами, стали заплетать волосы. При этом их лица сохраняли испуганно-покорное выражение. Я сразу заскучала по Франке – она была бойкой девушкой и с ее лица никогда не сходила улыбка. Сейчас мне этого не хватало.

Рози помогала им, но, словно поддавшись общему настроению, стала тиха и задумчива. А может просто ей все еще было не по себе от длинной дороги. Меня-то уж точно она порядком подкосила.

Конечно, сейчас больше всего хотелось лечь и отдохнуть, ведь два предыдущих дня я провела в повозке. Но граф ждал меня, а ослушаться его в первый же день замужества я не решилась. Я ведь так и не узнала, какой же он на самом деле. Кроме холодно-вежливых разговоров на отвлеченные темы, между нами не было никакого общения.

– Думаю, я готова, – кивнула я, когда с одеждой было покончено.

Сейчас на мне красовалось одно из тех платьев, что я привезла с собой, василькового цвета, так подходившего к моим глазам.

Никогда больше не надену красный. Пусть в моей жизни этого цвета будут лишь дьявольские глаза супруга и ничего больше.

Одна из служанок взялась проводить меня, другая же увела Рози, чтобы показать ей кухню и прочие помещения. Надеюсь, хоть ей удастся отдохнуть. Слугам позволительно больше, чем благородным – они могут расслабиться, когда мы будем держать лицо, ничем не показывая свой дискомфорт.

В большой зале уже собрались практически все рыцари графа, готовые снова поздравить нас с созданием семьи. Пир в честь нашей свадьбы здесь мало отличался от того, что был в замке отца пару дней назад.

Я сидела рядом с графом, занимая место хозяйки этого замка, но совершенно не чувствовала себя таковой, хотя и улыбалась изо всех сил, отвечала на комплименты и ни на секунду старалась не забывать, что я больше не дочь барона. Теперь я графиня Тулузская, а стало быть, должна соответствовать.

Сам граф молчал, не обращая на меня никакого внимания. Точнее, молчал он по отношению ко мне. Он отвечал на поздравления своих рыцарей, благосклонно кивал им и не забывал поднимать кубок, наполненный все тем же вязким вином.

Особое внимание он уделял мужчине, что сидел с другой стороны от него. Граф то и дело поворачивался к нему и что-то говорил, но так тихо, что я не могла расслышать. Мужчина, не больше двадцати лет на вид, с пшеничными волосами и суровым лицом бывалого воина, отвечал еще тише, и я лишь видела, как шевелятся его губы. Лицо при этом у него было отчасти печальное, хотя любой из вассалов графа почел бы за честь сидеть рядом с ним.

Высокое положение мужчины подтверждало и то, что он пил густое, темное вино, хотя ни у одного другого рыцаря я не заметила ничего похожего и даже мне слуги подали кувшин хорошего, но все же отличного от графского, напитка.

Мне стало любопытно, кто же он. Возможно, один из вассалов, что более всего отличился при последней войне? А что, я легко могла бы представить его на поле битвы, с окровавленным мечом, бегущего вперед с криками «Не посрамим честь!».

Но все же, спрашивать о нем у графа я не решалась и потому сидела, делая вид, будто все в полном порядке и нет в этой зале ничего, что могло бы меня смутить, пусть даже мой супруг не уделяет мне внимания. Уж лучше так, чем видеть этот дьявольский взгляд.

Я покинула пир сразу, как только это стало приличным и прошла в покои, что теперь были моими, дабы подготовиться. Первую ночь в замке графа я и не надеялась провести спокойно. Я точно знала, что уж сегодня мой супруг, и так задержавший брачную ночь, возьмет свое. А потому, освежившись и переодевшись, я легла, томимая ожиданием. Я бы не смогла заснуть, даже если бы от этого зависела моя жизнь, и потому просто лежала на роскошном ложе, какого никогда не было у родителей, и вглядывалась в темноту.

Минуты текли мучительно медленно, словно тягучий мед, но вот дверь заскрипела, и я услышала шаги, пожалуй, даже слишком легкие – граф ходил, словно кошка.

Шаги задержались у кровати, и я зажмурилась, ожидая, что он вот-вот распахнет балдахин и возьмет меня.

Мне было страшно, но я надеялась, что это быстро закончится.

– Быстро это не закончится, – прямо над ухом послышался голос графа. – Открой глаза. Я хочу, чтоб ты смотрела.

Мне не хотелось этого делать, но я подчинилась. Граф, что бесшумно распахнул балдахин, возвышался прямо надо мной. Рубаха его была распахнута, обнажая белый мрамор груди, а дьявольские глаза алели в темноте. Он был решительно красив, но я по-прежнему боялась его.

В то мгновенье я даже не задумалась, откуда он смог узнать мои мысли, решив, что должно быть в страхе сказала это вслух.

– Откинь одеяло, – странно, но даже сейчас, в темноте спальни, стоя возле ложа своей законной супруги, тон графа был вежлив, точно он говорил о погоде.

Мне не хотелось исполнять его просьбу – никто прежде, кроме служанок, не видел моего обнаженного тела. Но волю мою словно сковало, и я осталась лежать под его пристальным взглядом, не смея даже прикрыться руками.

А граф просто стоял, ничего не делая, оглядывая меня с головы до ног.

Я была смущена до предела, но по-прежнему не могла пошевелиться и лишь краснела, не зная, что же будет дальше и что мне делать. Или, напротив, не делать.

Наконец, граф наклонился ко мне и провел холодным пальцем по моей шее. А после глубоко вдохнул, точно хищный зверь.

– Вкусная, – действительно ли он прорычал это, проводя языком по моей шее, или мне только послышалось. – Но не сейчас.

И граф снова отстранился, пристально разглядывая меня.

Я все так же не шевелилась, скованная таинственным мерцанием его алых глаз, но это, кажется, его больше не устраивало.

– Сегодня тебе понравится все, что я буду делать. Считай это свадебным подарком, – усмехнулся он, в темноте сверкнув своими сахарными зубами.

А меня словно накрыло незнакомой, но такой приятной волной. Ушел страх, что сковывал меня, заставляя вжиматься в перины, и тело затрепетало под прикосновениями холодных пальцев.

Стало совершенно не важно ничего, кроме очевидного: я, мой муж и наша близость, которая заставляла мои щеки алеть, а живот наливаться тугим жаром.

– Хмм… – прошептал граф, словно прислушиваясь к чему-то, – вот значит, как. Знаешь, я сказал, что тебе понравится, но, когда я рядом, понравиться может все, что угодно.

И схватив мои запястья так, что наверняка на них останутся синяки, он одним рывком закинул их наверх, сжав, словно железными тисками.

Но мне это нравилось.

Ногой он раздвинул мои бедра, нависнув надо мной, а после вошел в меня одним резким, грубым движением.

Но мне это нравилось.

Боль фейерверком взорвалась перед глазами, но тут же стала рассеиваться, с каждым толчком сменяясь чем-то иным.

Мне это нравилось.

– Скажи, ты хочешь еще? – спросил он, замедляя темп.

Я хотела.

Я не представляла, что можно хотеть чего-то такого, но мне было нужно это, и я кивнула.

– Не слышу, – нахмурился граф, до боли стискивая мои бедра.

– Хочу, – прошептала я, краснея.

Сейчас я словно забыла про приличия. Словно он заставил меня забыть.

– Тогда проси, – граф хищно усмехнулся, сверкнув своими дьявольскими глазами.

– Прошу, господин, – слова сами выскользнули из меня.

– Хорошо.

Он вышел и, развернув меня к себе спиной, резким толчком вошел снова. Тело снова пронзила боль, но это было не важно.

Лишь его холодные пальцы и ритм жестких движений, в которых не было и капли нежности, но которые доводили меня до экстаза.

Всю ночь граф заставлял меня умирать от удовольствия, позабыв про стыд, приличия и манеры. Он делал из меня грешницу.

И мне это нравилось.

Глава 4.

На следующее утро граф по-прежнему вел себя холодно. Я же краснела, стоило мне только посмотреть на его бледное лицо.

Я и сама не понимала, что это вчера было со мной. Словно кто-то руководил моей волей, и я делала то, что делала. Словно кто-то ВНУШИЛ мне чувствовать именно это, получать удовольствие именно от ТАКОГО.

Но все это глупые оправдания. Никогда я даже не подозревала что во мне сокрыто столько греха. Что я распутная.

Я даже боялась, что утром граф выставит меня прочь. Ведь разве позволено благородной и чистой деве стонать так громко от таких бесстыдных ласк? Разве можно смотреть так прямо, не опуская глаз? Разве уместно быть настолько активной? Это соответствует совсем другой профессии.

Но граф не стал предъявлять мне за это, или задавать вопросов насчет моего опыта (хотя откуда взяться опыту, если простыни говорили сами за себя). Он просто вел себя так, будто ничего не случилось. Будто не было между нами этой ночи, а были только вежливые разговоры о погоде.

И хотя еще утром я мечтала только об этом, думая, что просто не переживу, если граф станет напоминать о нашей первой ночи разврата, то сейчас мне стало немного обидно. Все-таки это он раскрыл во мне то, о чем я и не подозревала. Это его ласки и вкрадчивый голос заставляли меня вчера просить того, чего я вовсе и не хотела никогда прежде.

Граф, что сидел в этот момент рядом за столом, повернулся ко мне, вспыхнув дьявольскими глазами.

– Грязная девка, – прошептал он тихо.

А когда я, покраснев, хотела что-то ответить, он уже снова сидел с холодной маской вместо лица, и мне даже показалось, что мне послышалось.

Впрочем, возможно мне действительно послышалось?

По крайней мере, ни один из тех рыцарей, что сидели рядом, не повел и бровью. Только светловолосый воин взглянул на меня с какой-то смесью жалости и тоски.

Так и потекла моя жизнь в замке.

Дни мои были наполнены холодом и страхом.

Нет, все сплетни о нем оказались абсолютной ложью. Граф не был жестоким, не поднимал на меня рук и был вежлив и обходителен. Но он делал все это так, словно я была для него чужой. Случайно заблудшая в замок леди, что совсем скоро уедет, оставив лишь платок на память.

И иногда этот лед выводил меня из себя. Я не понимала, почему граф так себя ведет. Конечно, я не рассчитывала на безграничную, сказочную любовь (пускай и мечтала именно о ней, но ведь мечты на то и мечты, за них не судят).

Однако кроме любви есть и другие отношения! Дружба, теплота, забота, нежность, уважение… да все, что угодно, лишь бы не эта острая вежливость, что режет, точно меч рыцаря.

Возможно, проявляй граф ко мне днем чуть больше участия, я бы перестала его так отчаянно (и совершенно безосновательно) бояться. Это было странное сочетание.

Ночью из меня словно вынимали душу, вселяя в тело другую, распутную.

Ночью из холода между нами были только прикосновения графа, зажигавшие во мне огонь.

Ночью отступало все, что тревожило и я, словно ведомая чужой волей, творила то, о чем днем постеснялась бы и помыслить.

Ночью его алые глаза затягивали меня в свой грешный водоворот, а холодный мрамор кожи обещал наслаждение.

Ночью граф уже не казался мне опасным. Зверем – да. Тем, кто наполнен животными страстями, кто подавляет мою волю, заражая своим желанием.

Но не опасным.

Днем же страхи возвращались. И вновь мне казалось, будто дьявольские глаза читают мои мысли, будто губы его временами искажает усмешка, похожая на звериный оскал.

Эти чувства были настолько противоречивы, что иногда мне казалось, будто у меня два супруга – один горячий, страстный, похотливый и второй холодный, опасный, словно лезвие мизерикордии.

Я не могла понять, почему граф не подпускает меня ближе, чем к своему телу, но при этом боялась, что однажды он сменит свой стылый лед на нечто другое.

И одновременно я хотела узнать его, но голодные глаза и жестокая усмешка заставляли меня трястись от ужаса. Я действительно разрывалась на части, не в силах осознать, чего больше в моих чувствах – желания, страха… любви?

И я не понимала, отчего так происходит, отчего граф действует на меня подобным образом.

Иногда мне казалось, что причина его холода кроется в жарких ночах. Что он действительно сомневается в выборе супруги, и поэтому так ведет себя. Но ведь он до сих пор не вернул меня отцу (что было бы неизгладимым позором) и продолжал приходить в мои покои, а значит, дело было в другом.

Невольно я стала присматриваться к другим рыцарям, с надеждой узнать, у одной ли меня граф вызывает столько противоречий.

И иногда мне чудилось, будто в их взгляде, обращенном на графа, проскальзывает какой-то безотчетный, а потому и трудноуловимый ужас. Как если бы у него был брат-близнец, что на глазах у всех совершил массу гнусностей. Вроде и понимаешь, что это был не он, а брат, но когда они так похожи…

Все это только путало меня еще больше, заставляя чувства смешиваться окончательно и размышлять, а не придумываю ли я? Не пытаюсь ли просто найти соответствия для своего страха и потому вижу то, что мне подходит, а вовсе не то, что есть на самом деле?

И только один суровый светловолосый воин смотрел на графа с абсолютно иным выражением, которое я не могла отличить, но зато точно знала – уж это мне не чудится.

На меня же воин кидал взгляды полные жалости. И в этом тоже я была абсолютно уверенна.

Иногда мне казалось, будто он вот-вот скажет мне что-то важное. Но он смотрел на графа, холодно-безразличного, и лишь опускал глаза.

И я так и не узнала, кто же он такой.

Граф обращался к нему просто по имени – Викторий – и, казалось, выделял его среди прочих своих вассалов. Спросить же, кем ему приходится этот рыцарь, я не решалась – слишком пугал меня холодный вид графа, а потому я просто кидала в сторону воина любопытные взгляды.

Однажды все же эта загадка прояснилась.

– Викторий – мой друг, – как-то странно усмехнувшись, сказал граф, когда я в очередной раз смотрела на этого сурового мужчину, так не похожего на остальных. – И, кстати, отличный солдат.

– Солдат? – переспросила я, подумав, что он имел в виду воина-рыцаря.

Сам же Викторий в это время стоял довольно далеко, чтобы услышать нас, но все же на секунду отвлекся и посмотрел в нашу сторону.

– Да, солдат, – охотно пояснил граф. – Сын серва, которому пришлось сражаться вместо того, чтобы сеять.

Серва? Крепостного крестьянина? Значит, и сам он…

Это было немыслимо, пускать на такое место обычного простолюдина!

Уже то, что он сидел со знатью должно было коробить рыцарей, так еще и рядом с графом… а ведь он даже не оруженосец!

Нет, я всегда вполне лояльно относилась к слугам, но все же, такое вопиющее нарушение этикета! Да еще не каким-нибудь странствующим шевалье, а пэром, сильным и могущественным! Тем, с кого, наоборот, остальные должны брать пример!

Кажется, мои мысли слишком четко отразились на моем лице, потому что в следующую секунду взгляд дьявольских глаз прожег меня насквозь.

– Это мое решение и осуждать его я никому не советую, – процедил граф и отошел к Викторию.

Больше я не поднимала эту тему, тем более что остальных рыцарей этот факт нисколько не смущал.

Впрочем, вскоре я поняла, что Викторий вполне даст фору любому лорду своим острым умом, манерами и идеальной памятью. А еще он умел и любил танцевать, и наблюдать за ним в такие минуты было настоящим удовольствием. Сам граф на пирах уделял мне только первый танец (и то, делал это холодно, словно отдавая дань ритуалу вежливости), а после чинно сидел во главе стола, а я рядом с ним.

Постепенно я свыклась с тем, что у графа свои причуды касательно Виктория, равно как и с тем, что сижу за столом рядом с сыном серва.

Но вот то, к чему я все же никак не могла привыкнуть, то, что не давало мне успокоиться – был сам граф.

Иногда, стоило ему куда-то уехать, пускай даже ненадолго, как я начинала метаться в стенах замка. Оставаясь в одиночестве, я никак не могла успокоиться, не могла найти себе место. Словно мне НУЖНО было его присутствие рядом, его холодные прикосновения по ночам и даже тот жуткий, сверхъестественный страх, что он внушал мне днем одним лишь своим присутствием.

Словно я стала ЗАВИСИМА от него за эти несколько месяцев брака.

Конечно, жена всегда зависит от мужа, но я никогда не думала, что это следует воспринимать настолько буквально.

Или же, мои чувства все же стоит называть любовью? Но как же не проходящий страх? Разве можно бояться любимого? Разве можно любить того, о ком ничего не знаешь?

Прежде я испытывала такие чувства только к отцу, матери и брату. Но то было что-то нежное и совершенно без страха.

Чувства к графу были какие-то не такие. Какие-то БОЛЬНЫЕ. Особенные, не похожие ни на что. Неправильные, неуместные.

Единственное, что утешало меня, так это надежда на ребенка. Возможно, наследник заставит графа сменить дневной холод на тепло? Возможно, и меня он заставит сменить страх и зависимость на нежность? Возможно ИСПРАВИТ то, что я даже не могу назвать любовью?

Впрочем, кроме моих странных чувств к графу, куда больше меня пугала та вторая «Я», что просыпалась от прикосновений его холодных пальцев каждую ночь.

По утрам я сожалела, я стыдилась своего поведения, но наступал вечер, и я уже не могла себя контролировать. Я молилась, я просила вынуть из меня ЭТО, но все было бесполезно и стоило только графу отдернуть тяжелый полог балдахина, как я переставала существовать сама по себе, растворяясь в нем. В его грубых объятиях и жестоких прикосновениях.

Все это съедало меня, заставляя чувствовать себя неправильной, грешной, грязной. Ведь мать моя никогда не рассказывала, что от ЭТОГО можно получить такое удовольствие.

Наоборот, ЭТО было вроде долга. Супружеского долга, необходимого для того, чтобы получить наследника.

И женщина должна была отдавать этот долг, а не наслаждаться, как портовая шлюха. Мужчина может получать удовольствие, женщина – нет.

Выходит, я портовая шлюха?

Я ненавидела себя, пыталась бороться, но все было бесполезно – по ночам граф становился хозяином моей воли, и тело мое начинало жить собственной жизнью, не обращая никакого внимания на благочестивость мыслей.

Я бы хотела рассказать об этом кому-нибудь, но это не представлялось возможным. Рози, что помогала мне во всем, была надежной, но делиться таким со служанкой… нет, как бы стыд меня не мучил, это было бы слишком.

Священника же у графа не наблюдалось из-за его сложных отношений с церковью, и я даже не могла исповедаться. Хотя, не представляю, как смогла бы рассказать об этом на исповеди и не сгореть от смущения.

Поэтому я в одиночку несла груз своих грехов, что рос с каждой ночью, и уже распрощалась с раем, приготовившись гореть в аду за то время, что проводил со мной обладатель дьявольских глаз.

Наверно, если бы я своими глазами не видела, как он входит в церковь, я бы всерьез решила, что граф – сам Сатана, что поднялся на землю для совращения моей прежде невинной души.

Лишь многим позже я поняла, что, по сути, так оно и было.

***

Чем дольше я жила в замке, тем сильнее становились противоречия, раздиравшие меня.

Как это было и с чувствами к графу, когда я сначала боялась его, но после привязалась духовно и физически, так это стало и с моими грехами.

Раскаяние начинало все больше уступать наслаждению. Я словно ХОТЕЛА, но не могла жалеть о ночах, проведенных под белым каменным телом.

И это тоже меня пугало. Как низко я смогу опуститься в погоне за этим наслаждением? И есть ли еще куда ниже?

А потом начались провалы в памяти.

Хотя, может они начались и раньше, но поглощенная внутренней борьбой с распутством и странными чувствами к графу, я их просто не замечала?

На самом деле, это были не совсем провалы. Возможно, если бы не Рози, я бы никогда и не узнала о них.

– Госпожа, вы так изменились после замужества, – заметила она, заплетая мне косу.

Других служанок я старалась задействовать как можно меньше. Отчего-то челядь этого замка не внушала мне доверия. Странно, не правда ли? Но все же, не страннее того, что творилось внутри меня, что происходило со мной. Не страннее дьявольских глаз графа, пожирающих меня изнутри. Не страннее его голодной усмешки, от которой по коже бегут мурашки.

– Разве? – ответила я, стараясь, чтобы голос звучал как можно нейтральнее, отгоняя эти мысли о странностях, что влезли так некстати.

– Да, – Рози серьезно кивнула. – Я так давно не видела вашей улыбки. А иногда вы настолько отвлечены, что я даже пугаюсь. Как вчера, например.

– Вчера?

– Да. Вы шли к себе в покои, и я уж решила идти за вами – вдруг понадоблюсь? Но граф появился из ниоткуда и отослал меня на кухню. А у вас тогда было такое лицо, словно это и не вы вовсе, – несколько путано объяснила Рози и в испуге замолчала.

Все же, я теперь графиня, а она – лишь служанка и не ей судить о моем лице.

Но я пропустила это, потому что сейчас меня волновало совсем другое – я не помнила ничего, о чем говорила Рози.

Наоборот, я была совершенно уверенна, что весь вчерашний вечер провела за вышивкой и уж точно не разгуливала по замку.

Я попыталась вспомнить детали. Может, действительно, просто задумалась?

Но нет. Вот я обедаю с графом, а после он провожает меня до покоев, и я не покидаю их до самого вечера, занимаясь рукоделием. И никакой Рози в коридорах. Служанки пришли уже гораздо позже, чтобы переодеть меня ко сну, и то, Рози среди них не было.

Однако если сам обед я помнила в самых мельчайших деталях, то последующее было странно размыто. Например, я не смогла припомнить, что же именно я вышивала и куда после положила неоконченную работу.

Рози стояла молча, ожидая пока я заговорю с ней. А я все пыталась понять, почему же тема рукоделия выскальзывает из памяти?

– Наверно, я просто устала, – наконец проговорила я и Рози вздохнула с облегчением, услышав, что в голосе моем нет гнева, лишь растерянность.

– Вам надо больше спать, госпожа.

Это замечание заставило меня покраснеть.

Не думаю, что Рози имела в виду что-то ТАКОЕ – в ее голосе звучала искренняя забота. Но все же, фраза попала в самую грешную часть моей души, что до ночи пряталась в дальнем углу. Действительно, я стала спать куда меньше прежнего – граф не давал мне этого.

– Ты уверена, что это было вчера? – наконец спросила я, вернув лицу нормальный цвет кожи и справившись со смущением.

– Абсолютно.

– Ладно. Ты можешь идти, – я махнула рукой, отсылая Рози из покоев.

Сейчас мне хотелось остаться одной. Раз за разом я прокручивала вчерашний день от самого утра и до того момента, как пришел граф. И раз за разом пыталась вспомнить, куда же положила свое шитье. Но все было бесполезно. Я даже попыталась его найти, но в привычном месте оказались лишь мои старые работы, оставшиеся такими, как я их помнила.

«Может, Рози все же ошиблась? Она же служанка, что с нее взять?» – с надеждой подумала я.

Однако случай запомнился и теперь каждый раз, во время подготовки ко сну, я стала вспоминать, как прошел день.

Лучше бы я этого не делала! Лучше бы я жила ни о чем не подозревая!

Но после разговора с Рози выяснилось, что провалы в памяти у меня бывают довольно часто – раз в два-три дня. И так же, как и с рукоделием, я будто знаю, чем занималась в это время, но не могу припомнить никаких деталей.

Почему?

Что действует на меня таким образом? Раньше я никогда не жаловалась на проблемы с памятью! Тем более, такие выборочные. Разве не странно, что я могу показать каждое место, которого касались холодные пальцы графа ночью, но не могу найти свое шитье, что оставила несколько минут назад?

Это пугало меня и заставляло задуматься о причинах таких явлений. Однажды, когда я в очередной раз размышляла над этим, сидя за столом рядом с графом, он посмотрел на меня, а после усмехнулся.

Я убеждала себя, что усмешка его относилась к другим вещам, но внутренний голос твердил, что именно мои провалы в памяти его рассмешили, хотя я и не говорила о них вслух.

Глава 5.

Я молилась и надеялась, потому что ничего иного мне просто не оставалось.

Молилась об исчезновении моей распутной, ночной стороны, так ненавистной мне. И надеялась на выздоровление моей памяти, провалы в которой неимоверно пугали меня.

Но и молитвы, и надежды оказались напрасными. Кажется, ничто не могло остановить меня ночью, стоило мне только увидеть бледное тело графа, твердое как камень, прекрасное и холодное, как горный ручей.

Едва я видела его дьявольские глаза, так пугавшие меня днем, как мою волю словно сметало невидимой, но мощной силой. И я не могла противиться этому, не могла просто взять себя в руки и быть сдержанной, как и положено благородной графине. Наверно, если бы в этот момент с небес грянул гром и сам Господь сказал бы мне остановиться – я бы его не послушала.

Я одновременно и хотела, и не хотела всего этого. Хотела извиваться и кричать, чтобы потом, вспоминая о прошедшей ночи, краснеть от стыда. Не хотела наслаждаться его до боли грубыми движениями, так легко пробуждавшими во мне ответное желание. Хотела, чтобы его сильные руки до синяков сжимали мои бедра, а утром, глядя на отпечатки его пальцев, запечатленные на моем теле умирать от собственной распущенности. Не хотела просить его о том, о чем днем не смогла бы даже подумать.

Граф же полностью осознавал свою власть надо мной, словно иначе не могло и быть, и ночами совершенно менялся. Приходя в мою спальню, он туманил мой разум своими прикосновениями, одним взглядом опуская в пучину развратного удовольствия, оставляя там умирать, чтобы утром остудить пыл своим, до остроты вежливым, «Здравствуйте, графиня».

Но если бы все ограничивалось только этим.

Если ночь была обителью грешного удовольствия, то день постепенно становился моим личным адом. И чем больше я об этом думала – тем больше мне казалось, что я схожу с ума.

Суеверный страх перед графом, что должен был уже рассеяться за это время (особенно от осознания того, что он не делал мне ничего плохого, только приятное) наоборот нарастал с каждым моим провалом в памяти.

А дьявольские глаза пугали меня все больше и больше, хотя, только познакомившись с графом, я думала, что больше уже некуда.

Таинственным образом этот страх тесно переплетался в моем сознании с неизъяснимыми провалами памяти, словно именно граф был причиной моей забывчивости.

Я все еще отчаянно пыталась сохранить хладнокровие, как это легко удавалось графу, но паника с каждым днем становилась все ярче, а ужас – отчетливее. И это не поддавалось никакому разумному объяснению.

Вот граф вежливо говорит мне что-то, а внутренний голос кричит «Беги! Беги, пока не поздно!». И кто бы знал, чего в такие моменты мне стоило удержать на лице выражение заинтересованности. А потом ночь накрывает замок своим темным бархатом и мой пугающий до дрожи холодно-алый мир сменяется пламенем, в котором я наверняка буду гореть за все то, что позволяла себе с графом.

Я не знала, чего я боюсь (или желаю) больше – что день перерастет в ночь, и в моей жизни не останется ничего, кроме невнятного страха перед собственным мужем, и так до самой смерти. Или же, что страсть и похоть ночи ворвется в замковый быт, и я навеки превращусь в распутную грешницу, не умеющую сдерживать свои потаенные желания, а все графство будет знать о том, что же именно их пэр творит со своей женой.

И вот сегодня, спустя пять длительно-коротких месяцев, проведенных в замке, мои страхи воплотились в реальность, и частичка дневного ужаса впервые сумела прокрасться и в царство тьмы.

Мне приснился кошмар, и я надеялась, что он больше никогда не повторится, задвинув в тьму ту часть сознания, что наоборот жаждала повторения больше всего на свете. Хотя то, что это именно КОШМАР, а не просто неприличный сон, я смогла осознать лишь на утро – настолько в этом сне мне было приятно, несмотря на откровенную жестокость всего действия.

Я ждала графа, как обычно, трясясь от предвкушения. И видимо именно в этот момент заснула, потому что все последующее просто не могло быть правдой (а если и могло, выходит я все же вышла замуж за самого дьявола, сумевшего обмануть законы и переступить порог святого места).

Мне снилось, что граф пришел.

Он вошел, как всегда в небрежно расправленной рубашке, ослепляя идеальной, неживой, белизной тела.

– Готова поиграть со мной? – хриплым голосом спросил он.

Ночью граф всегда отбрасывал учтивое «Вы», а его тон терял привычную остро-отточенную вежливость, становясь жадным, голодным и до болезненного привлекательным.

– Да, мой господин, – привычно ответила я.

Обе фразы уже стали частью всего действа и повторялись каждую ночь. Графу нравилось то, как я произношу эти простые слова – со смесью полной покорности, жадного желания и жгучей вины.

– Сегодня все будет немного не так, как прежде. Но я уверен, тебе понравится. Не может не понравится, – он наклонился и хищно провел языком по моей шее, жадно вдыхая запах кожи.

Дьявольские глаза его сверкали в темноте, точно у волка.

Как и всегда бывало ночью, я растворилась в этих кровавых озерах, забыв страхи и все то, что нестерпимо терзало меня каждый день. В груди осталось единственное желание, что мучило меня, точно жажда. Желание, чтобы он был ближе, еще ближе ко мне.

Его прикосновения обжигали меня холодной, острой болью, но и это было как-то по-особому, мучительно, приятно. И чем больше он утолял мою потребность в его теле, тем больнее и приятнее это оказывалось.

Граф не отрывавший языка от моей шеи, вдруг поцеловал меня. Прежде он никогда этого не делал во время наших любовных утех. Единственный раз, когда его губы коснулись моего тела – был еще тогда, в церкви.

Но эта ночь оказалась исключением. Может, уже тогда мне надо было догадаться, что это лишь чересчур реалистичный сон?

Впрочем, меня (точнее, мою фантазию) оправдывало то, что и губами его прикосновения не были нежными.

Жадные, грубые, голодные.

Его твердые пальцы впились в мое тело, сминая его, оставляя красные полосы на нежной коже. Но и это мне нравилось.

Все, что бы ни делал граф, все это погружало меня в пучину чувственности. Даже если днем мысли об этом вызывали лишь страх, отвращение и вину, без всякого намека на то немыслимое ночное возбуждение, граничащее с манией.

– Хорошая девочка, – прошептал граф.

А после одним резким толчком вошел в меня, одновременно впившись зубами. Я подалась ему навстречу, чувствуя, как по шее течет соленая струйка крови, и язык графа слизывает эти алые капли, чтобы через несколько секунд прокусить кожу уже в другом месте.

Мне не было больно, хотя раны, из которых лилась кровь, были довольно глубоки. Но нет, наоборот, чем глубже граф вонзал в меня свои зубы, тем более приятно мне становилось.

А он кусал меня, с каждым новым толчком делая новый укус, не всегда в шею. Он кусал мою грудь, мои запястья, мои бедра, позволяя крови стекать по мне, иногда слизывая ее, иногда размазывая по коже, рисуя какие-то таинственные замысловатые узоры.

Его холодные пальцы то ласкали меня в самых укромных местах, то сжимали с такой силой, что причиняли боль, оставляя кровавые полосы ногтей, которые терялись на общем алом фоне. И эта боль от его жадных, голодных объятий перемешивалась внутри меня с удовольствием, поэтому все, начиная от мучительного, практически обжигающего, льда его тела и заканчивая упоительными губами, приносило чувственное, пряное наслаждение.

В этот раз граф закончил быстро, равно как и я. Кровь, стекавшая по моему телу, по его лицу, алые узоры на моей коже, не оставлявшие белым практически ни одного сантиметра, соленый, терпкий запах – все это возбуждало его гораздо сильнее, чем обычные ласки. Равно как и меня, будто мое удовольствие напрямую было связанно с его тонкой, невидимой, но вполне реальной нитью.

И вот, апофеозом – последний толчок, яростный и глубокий, когда он с животным рыком сжал мои ладони так сильно, что кажется, вывихнул мне запястья. Впрочем, и эта боль расплескалась в моем личном море удовольствия, размешавшись с холодом от его тела, синяками от его объятий и горячей пульсацией его укусов.

К этому моменту все мое тело было покрыто ранками, а граф выглядел как демон – рот испачканный в крови, что казалась черной, такие же черные руки, грудь, кубики живота. И на этом темном фоне – белые, слишком длинные для человека клыки и алые глаза, что горят сверхъестественным, дьявольским светом.

– А теперь спи, – все еще хриплым от возбуждения голосом приказал он, и после этого я действительно заснула.

Утром, едва проснувшись, я испуганно подскочила на кровати, щупая шею руками. Кровь, укусы, боль – все то, что вчера мешалось с наслаждением, теперь вызывало панику и ужас.

Как же так вышло, что ночью я могла получать удовольствие от этих ужасных вещей? Что со мной происходит? Почему я не могу противиться этой грязи и похоти? И кто такой граф на самом деле?

Дьявол, инкуб, в человеческом обличье? Один из сыновей Мелюзины*, или же просто демон, сумевший выглядеть как мужчина?

Мне уже приходили эти мысли, но ведь я своими глазами видела, как он ступал на святую землю, и потому не смела оправдывать свою собственную греховность демонической природой графа. Хотя после того, что я видела (так же своими глазами) сегодня ночью сомнений уже не могло остаться.

Граф – инкуб, ибо только демон мог заставить меня наслаждаться теми дурными действиями.

И что мне теперь делать?

Смириться и гореть в мучительно-приятном огне, или же обратиться к церкви? Ведь не зря граф имел проблемы с ней. Нужно было с самого первого дня пойти к священнику.

Но что я скажу?

"Мой муж – дьявол. Каждую ночь он пробуждает мои скрытые темные желания, а недавно начал пить мою кровь"?

И все равно я остаюсь грешницей, ведь он только пробуждает МОИ желания.

Дьявол никогда не приходит без спроса.

А вдруг молитва не подействует на него, как не подействовала сила святой земли на нашем венчании? Что тогда мне останется?

Убьет ли он меня сразу, узнав о предательстве, или решит мучить до самой смерти, делая пытки все более нестерпимыми?

А если слова священника все же заставят графа исчезнуть, обратившись в пепел, то как я буду жить дальше без НЕГО?

За это время он стал моей частью.

Грешной, больной, но частью. Тем, в ком я отчаянно нуждалась, оставаясь в одиночестве. Тем, кем я дышала, отравляя свои легкие. Так смогу ли я пережить его исчезновение, или же, как та его первая невеста, покину мир вслед за ним? Тогда меня ничего не спасет от пламени ада, но если граф – сам дьявол, то стоит ли сожалеть?

Если в аду не будет раскаяния и страха, а останется лишь похоть, страсть и наслаждение? Если после смерти меня будут ждать лишь его алые глаза, мрамор тела и холодный жар ночных объятий? Не легче ли тогда смириться со своей судьбой, ведь вряд ли теперь мне помогут раскаяние и молитвы?

Да и как они могут помочь, если я не раскаиваюсь, каждую ночь окунаясь в дьявольские глаза и крича от удовольствия, что доставляют мне прикосновения его холодных пальцев.

За всеми этими суматошными, судорожными мыслями я даже не заметила, что шея, которую я продолжала сжимать ладонями, была совершенно гладкой.

Я подняла одеяло, но кожа сияла бархатистой белизной и на ней не было ни укусов, ни синяков.

Ничего не понимая, я поспешно огляделась. Простыни были чистыми и никаких намеков на ночное кровавое раздолье я обнаружить не смогла.

Услышав мое пробуждение, в покои заглянула Рози.

– Госпожа, изволите одеваться? – спросила она, но увидев мой испуг, подошла ближе. – Госпожа, с вами все в порядке?

– Что же происходит? – растеряно прошептала я, приложив ладони к лицу, не замечая ничего вокруг.

– Госпожа? – Рози несмело подошла ко мне. – Вас кто-то напугал? Или вас обидел господин?

Услышав слово «господин», я вздрогнула, точно от пощечины.

Был ли он вчера здесь, или же все произошедшее – лишь кошмар, насланный нечистым? Но если и кошмар, то отчего такой реальный?

Ведь я помню каждый укус графа и каждое прикосновение холодных пальцев и губ.

Да и говоря честно, было ли это кошмаром, если его укусы приносили мне куда большее наслаждение, чем все наши прошлые ночи?

– Что он сделал вам, госпожа? – сегодня Рози проявляла удивительную настырность.

И почему-то она не сомневалась, что причина моего такого тяжелого состояния – граф.

Но не успела я ответить, как вошел сам виновник странного, пугающего сна. Это был первый раз, когда граф появился в моих покоях при свете дня (хотя комнату освещали преимущественно факелы – сквозь узкую бойницу солнце почти не проникало).

Властным жестом граф услал прочь заботливую Рози и обратился ко мне, едва за той закрылась дверь.

– Прости, что вчера не смог навестить тебя, – он плотоядно усмехнулся. – Но обещаю, что сегодня мы наверстаем все сполна.

И не дожидаясь ответа, граф вышел прочь.

– Госпожа, госпожа! – Рози подбежала ко мне, не дав остаться одной. – Расскажите же и вам станет легче. Что он вам сделал?

Некоторое время я молчала, никак не в силах справиться с собой.

Я не знаю, отчего я была удивлена больше – от того, что граф не пришел вчера ночью, и все произошедшее было лишь слишком реальным кошмаром. Или от того, что он пришел

сегодня, с самого утра, впервые с момента нашей свадьбы, отбросив свою острую дневную вежливость, и таким образом воплотил в жизнь мой второй страх.

Только вот, сейчас эта фраза вовсе не возбуждала, а наоборот, пугала меня. И я не знала, хочу ли я, чтобы так было, или же отстраненность и безразличие принесут мне куда больше спокойствия.

– Все в порядке, Рози, – наконец сказала я служанке, что была действительно обеспокоена. – Граф не сделал мне ничего дурного.

– Но когда я вошла – на вас лица не было!

– Кошмар. Просто очень реальный кошмар, вот и все, – и я не знала, кого я больше успокаиваю этими словами.

Рози, или себя?

***

Этот кошмар словно стал первым маленьким снежком, из которого в последствии вырастает огромный ком. И если бы тогда я знала, чем все обернется, то я бы уделила этому куда больше внимания, а не просто постаралась бы утешиться пустыми отговорками.

Но людям не суждено видеть будущее, и потому я списала кошмар на расстройство от своей семейной жизни, а небольшие провалы в памяти – усталостью. Хотя откуда было взяться усталости, если здесь я ничего не делала, кроме как сидела с графом за столом, гуляла, да вышивала?

Моя мать всегда занималась замковым хозяйством. Разумеется, она не убиралась, но управляла прислугой, следила, чтоб зерно и запасы доставляли в срок, а крестьяне платили талью. И я готовилась к такому же быту. Ведь как-то так обычно и складывается, что хозяин замка воюет и занимается другими важными делами, а хозяйством заправляет его жена (разумеется от лица мужа).

Но граф не позволял мне выходить за пределы полотна для вышивки. Он твердо держал весь в замок в своем холодном кулаке и прислуга, кроме Рози, слушалась в первую очередь именно его.

Моим же местом оставалось лишь ложе, которое он посещал практически каждую ночь. Но даже здесь хозяином был именно он.

В некоторые места мне и вовсе был запрещен вход.

Однажды я гуляла по замку. Это было на следующий день после злосчастного кошмара. Я знала, что граф сейчас находится в оружейной. Он практически не покидал замка при свете солнца, предпочитая надежность его стен. Впрочем, в этом я как раз его понимала. Лето выдалось настолько знойное, что прохлада крепости была единственным доступным спасением от духоты.

Наступившая же осень принесла с собой дожди, серость и промозглый ветер. В замке, где сейчас жарко горели факелы, а гобелены, развешанные по стенам, спасали (хоть и не совсем до конца) от сквозняков, было несколько уютней.

Я не хотела случайно столкнуться с графом. После того, утреннего, разговора к моему суеверному страху (который и не думал исчезать), примешивался теперь и страх того, что он превратит день в ночь. Этого бы я точно не пережила и сгорела бы со стыда. Хотя меня удивляло, что Господь все еще не покарал меня молнией за мою похоть и разврат.

И вот я решила спуститься на первый этаж, или даже посмотреть подвалы. Не то, чтобы мне была так уж интересна подземная часть замка, просто я не хотела ни выходить под мелкий, промозглый дождь, ни встречаться с графом.

Но я не смогла туда попасть.

Около массивной двери стояло два привратника и вместо того, чтобы услужливо распахнуть передо мной створки, они молча загородили собой проход.

– Вы знаете, кто я такая? – надменно проговорила я, задрав подбородок.

Но они даже не ответили, все так же молча загораживая дверь. Казалось, будто вместо глаз у них блестящие пуговицы – так сосредоточенно, и одновременно бессмысленно, они смотрели на меня.

Я предприняла еще пару попыток попасть внутрь, угрожая им расправой, гневом графа и всем, чем только смогла придумать, но они так и не проронили ни слова, и мне пришлось отступить.

Спрашивать у графа о том, что же находится за деревянной дверью, я не рискнула, равно как и пробовать спуститься в подвалы еще раз.

Тем более, что вскоре меня стало волновать совершенно другое.

Мои провалы в памяти («слепые пятна» – так я называла их про себя) никуда не делись. И все усилия припомнить какие-то детали этих пятен были тщетными. Словно кто-то затирал мне память, подсовывая взамен какие-то яркие, но совершенно плоские образы, которые при ближайшем рассмотрении начинали трещать по швам.

Но если бы дело ограничивалось только этими пятнами. Через два дня после моего неудачного визита я заметила несколько свежих ран на своем теле. Попытки припомнить, где же я могла так покалечиться, ничего не дали – память артачилась, отвечая пустотой.

А потом эти раны… исчезли.

Вот они были, но я моргнула – и их уже нет.

Это действительно напугало меня больше всего остального.

Что происходит?

Беспричинный страх, который граф вызывает у меня, слепые пятна, когда я не помню, чем конкретно занималась, а теперь еще и раны, что появляются и исчезают. Все это походило на помешательство, и я просто не знала, что мне делать.

Теперь жизнь окончательно разделилась на день и ночь.

Днем я тихо сходила с ума, замечая то, чего нет (вроде ссадин и синяков), суеверно боясь дьявольских глаз графа и отчаянно пытаясь найти объяснение всему происходящему со мной.

Ночью же я отдавалась во власть порока, забывая обо всем, получая только удовольствие от прикосновения холодных пальцев в самых сокровенных частях, от резких движений, пронзающих меня, казалось, насквозь и от далеких губ, изогнутых в усмешке, что ласкали меня лишь в моих снах.

И конечно, днем я молчала обо всем, что происходит со мной, натягивая на лицо улыбку, скрывая таким образом свой страх. А ночью мне было просто не до этого.

Да и что бы я сказала графу?

Что боюсь его?

Что схожу с ума?

Что готова умереть со стыда, вспоминая ночи и больше всего хочу перестать поддаваться его ласкам?

Не думаю, что он помог бы мне во всем этом.

Хотя иногда граф ломал свою дневную маску острой вежливости, и я ловила на себе насмешливый взгляд его дьявольских глаз и холодную усмешку, так непохожую на привычную отстраненно-безликую улыбку.

И каждый раз это происходило, когда я размышляла о своих проблемах, пытаясь убедить себя в их несущественности.

Казалось, будто граф читает мои мысли и смеется над их глупостью и хаотичностью. И это усиливало мой страх перед ним, и было очередным доказательством моей болезни.

Мой ангельски-красивый дьявол-искуситель, ты сводишь меня с ума.

Глава 6.

Мы прожили вместе несколько лет, и я едва держалась на той тонкой границе, где заканчивается легкое помешательство и начинается настоящее сумасшествие.

А может, мне лишь казалось, что я держусь, а на деле я уже давно переступила порог, окунувшись в бездну безумия?

Каждый раз, когда я засыпала, мне снились глаза графа.

Два кровавых озера сверкали в кромешной темноте, и я бежала прочь, как можно дальше, но они всегда настигали. От них было невозможно спрятаться, они мерцали алыми всполохами, подавляя мою волю и пробуждая совершенно чуждые мне желания.

Во сне казалось, будто они забирают у меня что-то важное, что я обязательно должна знать. И как бы я ни старалась, сама я это уже не верну. Потому что вернуть это может только он.

Дело тут было даже не в его холодной вежливости днем и не в том, как граф обращался со мной ночью. Нет, просто со временем у меня появилось навязчивое, неотступное чувство, будто я чего-то не знаю. Чего-то очень важного, связанного непосредственно с графом. Чего-то ужасного, о чем я могу вспомнить, лишь глядя в эти алые колодцы.

Могу, но не вспоминаю.

Единственной отдушиной стал для меня Викторий. Не знаю, почему, но я рассказала ему, пускай далеко и не все. Я сама не поняла, как так вышло. Ведь теперь я графиня, и чтобы ни происходило в моей голове, как бы меня это ни терзало, я должна блюсти честь и репутацию своего мужа и себя самой.

А разболтать кому-то о том, что я на грани безумия… это вряд ли способствует репутации.

Уж не знаю, что на меня нашло. Возможно, это был один из тех дней помешательства, когда я не могла вспомнить детали своих же действий. Или же его алые, как у графа, глаза заставили меня выдать свои тайны. Но я рассказала Викторию о некоторых странностях.

Вообще, они были до невозможности одинаковые и одновременно совершенно разные.

Руки Виктория, когда он галантным, не свойственным простолюдину жестом, брал меня под локоть, были такими же обжигающе-ледянными. Кожа его буквально светилась белизной, а на солнце он никогда не выходил, даже ненадолго.

Но в отличие от графа, холодным было только его тело. Он не оттолкнул меня после моего откровения, а его алые глаза, светились лишь сочувствием и заботой.

Он стал для меня другом, хотя после того, как мы сблизились, мои провалы стали учащаться, а раны, то появляющиеся, то исчезающие на моем теле были все кровавей и ужасней, доставляя невыносимую боль, пусть даже она и была лишь плодом моего воображения.

Это было несколько странно. Отчего-то я была уверена, что все мое сумасшествие каким-то образом связанно лишь с графом, но никак не с остальными членами замка.

Ведь когда я общалась с Рози все было в порядке. Хотя Рози я и не доверяла столь сокровенные тайны.

Впрочем, я даже не успела рассказать Викторию об ухудшении своего состояния.

Словно почувствовав, что от общения с ним, мое сумасшествие только нарастает, он сам предложил прекратить нашу дружбу.

Я не могла понять, неужели это действительно было так заметно?

Я наивно считала, что держу свои страхи в кулаке и сохраняю лицо. Что никто в замке не замечает тех вещей, которые творятся со мной. Что годы обучения этикету не прошли даром, и я могу оставаться спокойной внеше в любой ситуации.

Но Викторий заметил все сразу же, и сказал, что общение с ним сделает мне только хуже, а когда я попыталась выяснить подробности, он промолчал.

Однако я действительно не понимала, как его забота и внимание, после которых я чувствовала явное облегчение, могут мне повредить. Ведь он был моей отдушиной в этом царстве страха. Единственным человеком, с которым я могла поговорить, не опасаясь за свою репутацию, или за то, что обо всем узнает граф. Единственным, после Рози, в этом замке, к кому я испытывала нежные чувства, так непохожие на мою больную, одержимую привязанность к графу.

После долгих разговоров Викторий сдался.

Соглашаясь продолжить наше общение, он выглядел печальным, напоследок заметив, что надеется, что я не возненавижу его, когда все пойму. И больше он никогда не возвращался к этой теме.

Хотя, как я бы смогла возненавидеть своего единственного и лучшего друга в этом, все еще чужом мне замке, пусть и формально я считалась здесь полноправной хозяйкой?

Я дорожила Викторием и никогда не отказалась бы от него.

О, как бы я хотела чувствовать к своему мужу хотя бы часть той теплоты и нежности, что испытывала к Викторию.

Или же увидеть в глазах графа отблеск той же заботы, с какой смотрел на меня его друг.

Но нет.

Сама я уже не смогла бы жить без графа. Он разрывал мое сердце острой болью на тысячи частей, наполняя каждую из них страхом, пополам со страстью. Он учил меня бояться собственных желаний и желать ужасающе-невозможного. Он заставлял меня дышать им одним и задыхаться в одиночестве, хотя при этом отравлял собой воздух, меняя любовь на зависимость.

Он был невозможно-холоден и по-животному горяч.

И несмотря на прошедшее с момента нашей свадьбы время, мы так и не стали близки хоть в чем-то, кроме постели. Мы мало знали о пристрастиях друг друга и тех милых привычках, которые есть у каждого, мы никогда не поддерживали друг друга и не вели задушевных разговоров.

Да мы вообще практически не общались, особенно днем.

Если это было время обеда, или ужина, то мы просто сидели рядом за столом, чинно кивая рыцарям и друг другу. И хотя с моей стороны всегда было искреннее желание хоть как-то заинтересовать своего мужа, но граф, как и в первые дни, оставался до остроты холодно-вежливым.

Он поддерживал светскую беседу, которая сводилась к погоде за окном, падежу скота в этом месяце, или политическим событиям, вроде восстания в Леоне, или смерти последнего короля из династии Каролингов и избрании Гуго Капета на эту должность. Но дальше дело не шло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.